

МИХАИЛ МОРОЗ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Мороз

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

<https://litres.ru/73998899>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они хотели просто отдохнуть на озере. Последнее лето детства, смех, костёр и никаких забот. Но судьба распорядилась иначе.

Всё началось со случайной встречи на заправке, странного сна и старой книги, забытой в придорожной гостинице. Для Серёжи и его друзей это была просто череда пугающих совпадений. До тех пор, пока они не поняли: все нити ведут к одному месту — реабилитационному центру «Чистый лист».

За колючей проволокой, среди вековой тайги, скрывается не место спасения, а логово монстра в белом халате. Тот, кого называют «умным человеком», — властелин империи страха и боли. И за его стенами находится тот, кого Серёжа поклялся спасти.

Вступая в чужую игру, компания даже не подозревает, какую цену придётся заплатить за правду. Забытая книга — это не просто дневник, а пошаговая инструкция к аду. И теперь у них есть только один путь — обратной дороги нет.

Каждый лист может стать чистым. Вопрос в том, какой ценой.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Михаил Мороз

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

Глава

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

Михаил Мороз
2025

Эта книга посвящается моему дяде, который всегда был для меня примером. С ранних лет я хотел быть похожим на него, до момента, когда у него начались некоторые трудности в жизни. История, изложенная здесь - частичка правды, хорошо сдобренная художественным вымыслом. Все имена, названия и места – не являются реальными. Все совпадения случайны.

Прежде чем помочь человеку, подумай о том, что цена за твою помощь может стать непосильной тебе самому...

Один умный человек

ПРОЛОГ

Человек, что стоял у окна и всматривался в темноту густого таёжного леса, закуривал уже четвертую по счету сигарету за последние десять минут. Его пальцы, покрытые тонким слоем смолистой копоти, дрожали каждый раз, когда он подносил зажигалку к кончику сигареты. Оранжевый огонёк на мгновение осветил его лицо - впалые щёки, тени под глазами, похожие на синяки, и губы, пересохшие от постоянного курения. Дым, едкий и горький, заполнял его лёгкие, словно пытаясь вытеснить оттуда что-то более тяжелое, чем смолы и никотин. Хоть он и понимал, что травит свой организм – остановиться уже никак не мог. Не мог позволить себе такой “роскоши”. Иначе избавиться от стресса, пережитого им за последние три недели, у него не получалось. Он сказал как-то: “...сигареты помогают мне окончательно не сойти с ума... но даже в этом я уже начинаю сомневаться”.

Ещё совсем недавно он с отвращением относился ко всем курящим. Постоянно задавался вопросом: “Неужели люди настолько глупы, что готовы платить деньги за медленно самоубийство?” Но теперь всё изменилось... Теперь он стоял у окна, затягивался до хрипоты в горле и думал о том, что делать дальше. Думал о будущем, не забывая прошлое. События пережитых им дней и ночей, время от времени, пугающими до мурашек слайдами всплывали у него в голове. Вот и сейчас эти мысли унесли его так далеко, в самые тем-

ные комнатки его сознания, что он даже не обратил внимание на то, как сигарета, зажатая между указательным и средним пальцем правой руки, догорела до самого основания и обожгла кожу. Пахло паленой плотью, но ему было плевать. Боли он не почувствовал, лишь бросил короткий взгляд на руку – на красный, воспаленный след – и затушил остатки сигареты о край деревянного подоконника, оставив ещё один черный шрам на его поверхности.

Дом, ставший для него временным прибежищем, всем своим видом походил на хижину лесника, построенную здесь в те времена, когда Союз еще не развалился окончательно. Стены, сложенные из брёвен, потемнели от времени и сырости, а в щелях между ними гулял ветер, наполняя комнату ледяным дыханием тайги. Сооружение давно ушедшей эпохи изнутри представляло собой одну, но вполне просторную комнатку со всем необходимым для комфортного проживания: двухъярусной металлической кроватью с проржавелыми прутьями, большим деревянным столом, испещренным царапинами от острейших разделочных ножей и пятнами от бесчисленных чайных кружек, печкой-буржуйкой, которая даже в незначительные заморозки едва справлялась холодом, и другими предметами быта, покрытыми слоем пыли и забвения. Источником света в этих “хоромах” служила старая керосиновая лампа, висящая на гвозде по самой крышей. Её желтоватое пламя мерцало, отбрасывая на стены гигантские, изломанные тени, которые шевелились,

как живые, каждый раз, когда сквозь щели пробивался ветер. Все это, по большей части, мало беспокоило человека, который не чувствовал боли... С тех пор, как он попал в этот дом, прошло около двух недель. Может- больше, а может – меньше... Он потерялся во времени. Перестал замечать, как луна сменяет солнце, как проносится мимо с десятков бессонных ночей, как каждый раз, когда он закрывает глаза – слышит крики... Они настолько громкие, что он перестает слышать все вокруг себя: скрип половиц, вой ветра за окном, даже собственное дыхание. Но... ему не страшно. Он перестал обращать на них внимание. Они стали частью его. Проросли в его голове, как прорастает трава через асфальт, пытаюсь выхватить свой шанс на выживание - медленно, неумолимо, с тихой настойчивостью безумия.

Ему не страшно. Но тревожность, не угасающая с момента появления в этом месте, стала превращаться в осторожность, плавно перетекающую в паранойю. Каждый шорох за стеной, каждый скрип дерева заставлял его замирать, впитаться пальцами в подоконник, вслушиваться в тишину, пока сердце не начинало биться так сильно, что казалось – вот-вот разорвет грудную клетку. Ещё ни разу он не переступил порог этого дома, чтобы покинуть его. Ни разу... А что, если там, за дверью, в этом бескрайнем море деревьев и мрака, его ждет тот кто стал виновником этих криков?

Совсем недавно он встретил свое совершеннолетие, но за время пережитых кошмаров стал выглядеть на все сорок.

Его лицо, когда-то молодое и гладкое, теперь напоминало потрескавшуюся от времени глину – глубокие морщины у рта, жёсткие складки на лбу, прорезанные постоянным напряжением. Огромные черные мешки под глазами, приобретенные из-за регулярного недосыпа, казалось, впитали в себя всю тьму этих бесконечных ночей. Многочисленные ссадины и порезы на лице, опухший перебитый нос, растрепанная, черная, как уголь, борода,- все это делало его похожим не на человека, а на ожившую тень, вырвавшуюся из самых мрачных уголков реальности.

Пальцы его левой руки выглядели так, словно всю кисть пропустили через мясорубку, а затем склеили по кусочкам. Шрамы, грубые и неровные, пересекали кожу, будто карта неизвестной местности, где каждая линия – напоминание о боли. Да только не все “части пазла” были на месте. Большой палец отсутствовал вовсе... Но самое главное и одновременно самое страшное – его взгляд... Холодный и пустой, будто зима, навсегда поселившаяся в его зрачках. Говорят, что глядя человеку прямо в глаза, можно прочесть его мысли. И если это правда, то в глазах человека, что жил в этой хижине читалось только одно: «Я ВЕРНУЛСЯ ИЗ АДА».

Он опустился на один из стоящих около стола стульев с тяжелым выдохом. Дерево скрипнуло под его весом, словно протестуя против такого обращения. Правая нога сегодня беспокоила больше, чем обычно – рана, затянутая грубым шрамом, ныла, будто в кость впились невидимые иглы. Он

говорил: «раны ещё долго будут напоминать мне о случившемся... может, всю мою оставшуюся жизнь».

Устремив взгляд в окно, он стал прислушиваться к миру вокруг себя. Тайга, обычно наполненная сотнями звуков – шелестом листвы, криками птиц, далёким воем волков – сегодня молчала. Только еле слышный посвист ветра, будто чей-то насмешливый шепот, пробирался сквозь щели в стенах.

Не вставая, он дотянулся здоровой рукой до охапки сухих дров и швырнул несколько поленьев в ненасытную пасть печки. Огонь жадно лизнул древесину, языки пламени затрещали, выплёвывая искры, как будто злясь на то, что их кормят так скудно. Не смотря на то, что впереди был ещё целый месяц лета, ночи в лесу были холодными, словно сама тайга выдыхала ледяное дыхание, напоминая, что человек здесь, всего лишь, незванный гость.

Он взял чайник, наполненный водой из ближайшего ручья(её вкус отдавал железом и чем-то ещё, чем-то диким), поставил его на плиту и стал ждать. Несколько кружек крепкого, как судьба, чая должны были взбодрить его на эту ночь. По крайней мере, он на это надеялся. Но даже самый крепкий напиток не мог прогнать тень, что стояла у него за спиной, дышала в затылок, шептала на ухо...

Вода закипела, и вскоре, кружка черного, как его борода, чая оказалась в правой руке, а очередная сигарета – в искалеченной левой. Этот процесс стал для него чем-то вроде

ритуала, единственной нитью, связывающей его с реальностью. Он уже не щурился от едкого дыма, не морщился от обжигающих горло глотков чая. Его тело, измученное болью и страхом, словно окаменело, превратилось в броню, сквозь которую не пробиться ни огню, ни холоду.

«Такого не бывает!» - сказал бы какой-нибудь диванный критик. Но если загнать человека в угол, отнять у него всё, чем он дорожил, то он не только перестанет чувствовать боль, но и будет готов причинить её другим.

Он мог часами сидеть и смотреть в одну точку, пока воспоминания накатывали волнами, заставляя виски сжиматься в тисках, а руки - дрожать, как в лихорадке. Слез уже не было. Он выплакал их в тот день, когда очнулся на кровати в этой хижине. Один... Истерзанный... С головой, полной криков...

Его «ритуал» прервал громкий стук в дверь:
- Звяк, Звяк!

Железный засов задрожал от двух мощных ударов, словно по нему ударили кузнечным молотом. Сердце рванулось в горло, кровь ударила в виски. Роняя кружку на пол, он одним резким движением задул лампу, погрузив комнату в кромешную тьму, а вторым – метнулся к кровати, стиснув зубы, чтобы заглушить боль в ноге.

Из-под матраса он вытащил ружье – старое, потрепанное, но смертельно опасное. Металл ствола был холодным, как его собственные пальцы. Сняв с предохранителя, он упер де-

ревянный приклад в плечо и прижался к стене за печкой, нацелив оружие в сторону двери.

- Четыре! – крикнул он, и его голос прозвучал как выстрел в тишине.

Ответа не последовало. Только ветер завыл чуть сильнее, будто насмехаясь.

- ЧЕТЫРЕ! – повторил он уже громче, и пальцы сжали ружье так, что заныла и поврежденная рука.

Тишина...

- Четыре!

- Да чтоб тебя! – донеслось из-за двери, и голос, хриплый от табака и возраста, пробился сквозь толщу дерева. – Ну кто сюда может прийти кроме меня, а?

- Цифра! – не сдавался человек в доме, сжимая ружье так сильно, что пальцы побелели. – Назови цифру!

- Параноик хренов! – рявкнул в ответ безликий голос. – Ну три! Три, слышишь?! Открывай уже! Хочу уронить свой зад на стул!

Тишина... Только треск горящих в печке дров нарушал напряженное молчание. Человек за печкой медленно поднялся с колена, но ружье не опустил. Пальцем, привыкшим ранее к спусковому крючку, он щелкнул колёсиком зажигалки, и желтый свет керосиновой лампы снова залил комнату, отбрасывая на стены его дрожащую тень. Он ковылял к двери, прислушиваясь к каждому звуку снаружи – к шелесту травы под ботинками, к сопению и к тому, как ночной гость пере-

минается с ноги на ногу.

Засов со скрежетом отодвинулся, и дверь распахнулась, выпуская внутрь клубы морозного воздуха. На пороге стоял старик. Невысокий, коренастый, словно вырубленный топором из векового дуба. Его длинная седая борода колыхалась при каждом движении, а глаза, маленькие и острые, как лезвия, сверкали в темноте. Куртка, перетянутая ремнем с патронташем и ножом в ножнах, выцветшие берцы, покрытые грязью и солью, и главное – двустволка за спиной, стволы которой блестели, как зубы хищника, – всё выдавало в нём хозяина тайги. В левой руке он держал трофеи – трёх зайцев, подвешенных за задние лапы. Их шкурки, ещё тёплые, были испачканы кровью и грязью.

- Хромой, принимай улов! – буркнул старик, не переступая порога. – Видал какие! А ты меня впускать не хотел. Цифра, цифра! Заладил, как попугай!

Человек с ружьём стиснул зубы. Его пальцы дрогнули, и он опустил оружие.

- Во-первых, перестань меня так называть. – прорычал он, и голос его был низким, словно сквозь гравий. – Во-вторых, мы договорились. Это одна из мер нашей безопасности.

Старик сделал преувеличенно-удивленное лицо, подняв седые брови так высоко, что они почти полностью скрылись под шапкой.

- Нашей безопасности?! – он фыркнул, и пар от его дыхания вырвался клубком. – Ты хотел сказать – твоей! Кто ты

такой, чтобы ставить мне условия в моем же доме?!

Он шагнул вперед, и теперь, свет лампы упал на его лицо – морщины, как трещины на старом льду, красный нос, покрытый сеткой лопнувших капилляров, и губы, посиневшие от холода.

- Или тебе напомнить, кто вытащил тебя с того света? – старик ткнул пальцем в грудь «хромоту», но тот даже не пошатнулся. – Я не бросил тебя на корм волкам. Я не сдал тебя ментам. Хотя, чёрт меня дёрнул... Может, стоило?

Глаза «хромого» сузились. В них не было ни страха, ни благодарности – только ледяная пустота, как в зеркале, в котором ничего не отражается. Старик не выдержал этого взгляда и первым отвёл глаза.

- Знаешь, что я тебе скажу? – он бросил зайцев на стол, и те глухо шлёпнулись о дерево. – Твоя паранойя тебя сожрёт. И крыша съедет, будь уверен. Стоит только ветерку дунуть.

Он развёл руками, стараясь охватить единственное помещение хижины:

- Сидишь тут вторую неделю, как затравленный волк. Скажи, за это время ты хоть кого-нибудь видел здесь, кроме меня? Нет!

Старик снял шапку и продолжил уже тише:

- Я тебя не знаю. И не знаю, что ты натворил... Чёрт, да я даже имени твоего не знаю до сих пор!

Что-то кольнуло с левой стороны, и старик, слегка скривившись от секундной боли в груди, стал потирать это место

рукой. Хромой молчал. Он лишь развернулся, положил ружье обратно под матрас и направился к стулу, на котором восседал ранее. Его нога волочилась, будто к ней была прикована гиря, а рука пульсировала и слегка горела. Хозяин хижины стоял и смотрел ему вслед, потом плюнул, стряхнул с березы комья грязи и, наконец, вошёл внутрь, показательно хлопнув дверью.

- Ты принёс трёх зайцев, а я не слышал ни одного выстрела. – внезапно сказал Хромой, опускаясь на стул.

Старик усмехнулся, доставая из кармана смятую пачку сигарет.

- С ловушек собрал. Вчера расставил. – он ловко разжег спичку о подошву и прикурил. – Один в капкан попал – так размазало, хоть в ведро собирай. Оставил там. Пусть волки пируют.

Боль в груди поутихла, но до конца не отступила. Хромой медленно поднял голову.

- А ведь это из-за твоих капканов я теперь хромаю. – сказал он. Голос был ровным, но что-то в нём дрогнуло. – И неизвестно, перестану ли.

- Да?! – старик аж опустился на стул, и его борода, белая и колючая, затряслась от возмущения. – А ты не забыл ли, что если бы я не нашёл тебя в ту ночь, то ты даже до утра бы не дожил? Если забыл, так я напоминаю!

Голос его, хриплый от холода и возраста, прозвучал, будто скрип старого дерева. Боль накатила новой волной, и старик,

засунув правую руку во внутренний карман своей куртки, выудил из него пузырек с таблетками. Закинув две в рот, он махом разжевал их и ткнул пальцем в сторону кровати – той самой, где не так давно лежало окровавленное, полумёртвое тело «хромого» с ногой, угодившей в охотничий капкан, перебинтованной левой рукой и глазами, полными такого ужаса, что даже сам хозяин тайги на секунду впал в ступор.

- Я не забыл, Семён.- руки снова задрожали ни то от холода, ни то от нервов. – Правда... Я никогда не забуду тебя и всё, что ты для меня сделал. Но... – он поднял глаза, и в них, как в проруби, отразилось что-то невысказанное. – Зачем? Скажи, почему ты не оставил меня умирать?

Семён откинулся на спинку стула, и тот заскрипел под его весом. Таблетки начали действовать, боль отступала. Он потянулся за сигаретой, которую затушил ранее, разжёл её вновь и затянулся так глубоко, что щёки втянулись, обнажая резкие скулы. Дым, густой и едкий, пополз к потолку, смешиваясь с запахом разлитого на полу чая и крови от зайцев.

- Я не привык бросать тех, кому нужна помощь. – он выдохнул дым колечками, глядя куда-то мимо Хромого, будто в прошлое. – Вне зависимости от того, что они сделали. Все мы люди. И абсолютно каждый из нас имеет право на жизнь. Я просто... не мог позволить тебе лишиться этого права.

- Есть на Земле те, кто не заслуживает ходить по ней. – Хромой бросил фразу резко, как нож в стену. – Хочешь сказать, не сталкивался с такими?

Семён замер. Его пальцы, покрытые шрамами от ожогов и порезов, сжались в кулаки так, что костяшки побелели.

- Ты знаешь, я многое повидал в Афгане в свое время. – Семён заговорил, а его голос звучал, будто из-под земли. – Я служил в медбате. Умел стрелять, но... ни разу не выстрелил.

Он посмотрел на свои руки – те самые, что когда-то вынимали осколки из живого мяса, а теперь потрошили разную живность.

- Один раз... ко мне принесли душмана. Весь в дырах. Все хотели его добить. Да и я сам понимал, что от его рук полёт не один наш боец, но... – он потёр переносицу и продолжил. – Я его выходил. А потом сдал, как пленника. И до сих пор считаю, что поступил тогда правильно. За свои грехи он ответил перед Богом. Не перед нами.

Хромой не перебивал его. Он лишь молча сидел и слушал, отвлекшись только чтобы налить в кружки свежего чая. Семён смотрел на него, грея руки о кружку, и ждал реакции. Двадцать лет, проведенных в тайге, в тихом одиночестве... Он ушёл сразу, как советские войска вывели из Афганистана. Не смог больше видеть города, людей, их глаза – слишком похожие на те, которые он закрывал тем, кого не успел спасти. Первое время кошмары приходили каждую ночь. Он просыпался в холодном поту, слыша разрывы снарядов и крики помощи, чувствуя липкую кровь на руках... Но тайга вылечила. Тишина. Холод. Одиночество, ставшее спасением.

- Пока бродил снаружи, не заметил чего-нибудь странно-го? – Хромой прервал его мысли. – Следы? Посторонние звуки?

Семён отхлебнул чаю, и обжигающая жидкость разлилась по желудку. Боль в груди утихла совсем, но он знал, что это ненадолго.

- Ни-че-го. – по слогам произнёс он и хмуро посмотрел на Хромого. – Как и всё это время, которое ты здесь находишься. Чего же ты боишься? Или... кого?

Тот не отвечал. Только впился сверлящим взглядом в Семёна, и старик впервые за последние двадцать лет почувствовал холод за спиной.

- Кто они, твою мать?! – Семён сорвался на крик.

Но Хромой молчал. А за окном ветер завыл громче, будто предупреждая.

- Ну что ты глазами-то хлопаешь?! – старик ударил кулаком по столу, и кружки подпрыгнули, расплёскивая чай по потёртой поверхности стола. – Достал ты меня уже, партизан хренов! По горло мне твоих загадок, надоело!

Его голос, обычно хриплый, но спокойный, теперь рвал тишину, как пила рвёт ржавый гвоздь. В глазах, узких и острых, как лезвие бритвы, вспыхнул огонь, которого не Хромой не видел до сегодняшней ночи.

- Свалился на мою голову, хрен пойми откуда. – он встал, и его тень, огромная и корявая, поползла по стене, как живая. – Весь в крови, с рукой, будто её через мясорубку про-

пустили и нога твоя... Зато в рюкзаке – куча бабок и документов странных.

Он сделал шаг к Хромому, и пол под ним заскрипел, будто не желал такого обращения с собой.

- И твой пистолет... – Семён протянул руку, пальцы сжались в воздухе, обхватывая невидимое оружие. – Где он, кстати?

Тишина. Только треск догорающих в печке дров да лёгкий звон от остывающего металла чайника нарушали её. Хромой не двигался. Его глаза, по прежнему пустые, как провалы во льду, смотрели сквозь Семёна, будто тот был прозрачным.

- Ага...спрятал, стало быть.- старик фыркнул, и пар его дыхания завился в холодном воздухе. – Не доверяешь. Ну, дело твоё.

Он повернулся, взял со стола тушку зайца и швырнул её в котел. Кровь брызнула на стену. В груди снова что-то защемило и заставило его невольно зажмуриться. Слишком много нервов было потрачено за последнее время.

- Ты пойми, Хромой... пока ты здесь, я тоже рискую. – он обернулся, и теперь в его голосе было что-то новое – не злость, а усталость. – Хоть и не понимаю – ради чего. Но я хочу знать... Убеди меня в том, что на этот раз я не совершил ошибку.

- Меня зовут Сергей. – голос Хромого прозвучал неожиданно тихо, но так чётко, что Семён вздрогнул, словно от выстрела.

Сергей поднялся со стула, перенеся вес тела на здоровую ногу. Его тень слилась с тенью Семёна стене, и на мгновение показалось, что они - одно целое. Оглядевшись по сторонам, будто боясь, что за ними наблюдают, Сергей устоял на старика с протянутой вперёд рукой.

- Всё, что я расскажу тебе... должно умереть вместе с нами. – протянутая рука дрожала, а покалеченная снова заняла тупой болью.

Семён устоял на перевязанную кисть – шрамы, отсутствующий палец и дрожь, которую тот пытался скрыть.

- Даю тебе слово – все останется между нами. – Семен сжимал здоровую руку, чувствуя как дрожь утихает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.